

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: ПРАКТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Этнические исследования

Цель: раскрыть основные научные концепции этнических исследований, выявить их роль в развитии литературоведения.

Ключевые слова: этнические исследования, класс, экономическое неравенство, раса, расизм.

Введение в этнические исследования

Современная генетика поддерживает идею о том, что человеческий вид распадается на пять географических групп, генетический состав которых незначительно меняется по отношению друг к другу. То, что эти пять групп являются результатом географически изолированного проживания человека, показывает, насколько сомнительны этнические категории. Этничность – это устойчивая модель размножения определенной группы людей в течение определенного времени на определенной территории – и не более того.

Несмотря на наши порой сильные чувства по поводу той или иной этнической принадлежности, члены этнических групп обычно имеют мало общего, кроме неких физических параметров, например, только светлых волос, темной кожи, миндалевидных глаз и т. д. Размножение группы людей на одной территории в течение определенного времени и создают сходство этих черт. Но эти черты – это просто результат случайностей, возникающих в некий частный момент, в определенное историческое время, которые обусловлены социальными практиками брака и репродукции, и, как правило, в сообществах, связанных географически, и они могут легко исчезнуть, если изменится социальная практика, структура этих сообществ или их миграционные модели. Можно предположить, что внешние черты, такие как цвет кожи, например, выражают биологическую расовую сущность, которая является досоциальной или неисторической. На самом деле черная кожа, так же, как и светлые волосы, это всего лишь индикатор некоей внутренней биологической реальности. Это позволяет различать людей, которые были отделены от определенных территорий, где проживали другие группы, и которые не имели возможности скрещиваться с другими группами. Если же поменять карту проживания, «раса» исчезла бы. Из-за подобных результатов скрещивания трудно сказать сейчас, например, происходят ли евразийцы из Азии, а метисы африканского и евроамериканского происхождения – это евроамериканцы (в большинстве случаев это сама по себе «разношерстная порода»). Расисты ошибочно принимают бессмысленные маркеры хроматических признаков за значимые выражения естественных различий этносов.

Следовательно, нет и национальной идентичности, такой как ирландец или еврей, которая магическим образом передавалась бы от родителя к ребенку как знак национальной принадлежности, отделяющий этого ребенка от всех других этнических групп. Например, евреи, живущие на Ближнем Востоке, скорее всего, окажутся ближе по генетическому составу к палестинцам, чем к другим израильским евреям. Этничность – как совокупность наследуемых черт, большинство из которых – цвет волос, тон кожи и т. п. – на самом деле несущественна.

При всей своей спонтанности и нерелевантности этническая принадлежность, тем не менее, остается одной из самых веских причин для объединения или развала этнических сообществ. Хотя внешние черты человеческого облика, такие как цвет кожи, не могут быть истолкованы как выражающие расовые сущности, они все же являются визуальным выражением человеческой идентичности и принадлежности к некоему человеческому сообществу.

Раса и этническая принадлежность, при всех их мнимых качествах, легко не стираются и не игнорируются. Они, действительно, являются одними из наиболее безусловных детерминантов культурных различий и литературной специфики произведений того или иного этноса. Даже если черная кожа в конечном счете бессмысленна как биологический маркер, она, тем не менее, является признаком болезненной исторической реальности с резонансами в настоящем.

Так, чтобы понять роман «Возлюбленная» Тони Моррисон, один из самых знаменитых примеров этнического письма в конце двадцатого века, надо понять сначала, почему «черноту» (тему чернокожих) нельзя отбросить как тему литературного обсуждения. Действительно, болезненная история этой темы в Америке по-прежнему тяжело влияет на настоящее.

Этнические различия сохраняются в наибольшей степени и в экономическом неравенстве, поскольку понятие расы в прошлом часто связывалось с экономической эксплуатацией одной этнической группы другой. Рабство, вероятно, является наиболее очевидным этому примером, и наследие таких практик ощутимо и до сих пор в продолжающемся неравенстве в благосостоянии и экономическом влиянии между белыми и черными этническими группами в Соединенных Штатах и в других странах мира. Такая историческая реальность этнических различий означает, что есть основания утверждать, что все же существуют конкретная этническая картина мира. Поэтому этническая литература отражает совершенно разные культурные, социальные и психологические реалии.

Этнические литературоведческие исследования подвергают сомнению также до сих пор не изучавшиеся прицельно этнические нормы якобы расово-нейтрального литературоведения. При всех своих усилиях по обеспечению литературной универсальности и объективности новый критицизм является, по сути, литературоведческими исследованиями белых мужчин с юга, замаскированных под объективный канон.

Появление этнических литературных исследований вытеснило представление о том, что истина говорила только на белом диалекте, и сосредоточило внимание на привилегии, всегда подразумеваемой, а иногда и явной, метафорического «отбеливания» иноземного этнического опыта исходя из «белизны» антропоцентрического североамериканского литературоведения. В последние годы вызов общепринятой белой норме литературоведческого канона принял форму утверждения, что этнические литературные голоса больше не должны ограничиваться отдельными «программами», а вместо этого должны быть интегрированы в литературный канон на равных с обычными белыми авторскими голосами. «Антология американской литературы» Хита уже вывела американское литературоведение на путь вытеснения «белизны» из традиционной этнической культуры и замене ее более многонациональным видением американской литературной истории.

Этнические исследования спровоцировали также интерес к воссоединению доминирующей белой культуры в Америке с их этническими Другими. В романе «Игры в темноте» Тони Моррисон утверждает, например, что белая американская литература часто использует афроамериканцев и афроамериканский опыт в качестве инструментов для таких проектов, как обретение собственной идентичности или реализация ее поиска. Белая свобода часто определяет себя в качестве отличной от черного рабства, а чернокожие часто интерпретируются в белой культуре как дополнения к проектам самоидентификации белых. Длительная ассоциация чернокожих с рабством частично означает, что белые продолжают думать о них как о меньших существах, чья роль в жизни заключается только в том, чтобы помогать белым различными способами. Во многих художественных текстах, От Джима до Бэггера Вэнса, чернокожие добиваются до полюса на плоту или сдают карты в клубе, что позволяет белым обрести свободу или выиграть карточную игру.

Хорошим примером слепоты к расизму в американском литературоведении является случай с Уильямом Фолкнером. Поскольку Фолкнер был белым с юга, который говорил на том же универсалистском языке, что и южные представители нового критицизма, они провозгласили его в качестве примера великой литературы, которая выражала вечные, внепространственные истины. В результате этой канонизации Фолкнер стал неоспоримым членом «великой традиции» американского письма 1930-х годов и остается таковым до настоящего времени. Но на самом деле его можно было легко сравнить со злыми антисемитскими писателями Европы, которые помогли воспитывать культуру, которая породила нацизм. Фолкнер — это такой вариант «обычного южанина», который может быть столь же негативно интерпретирован с точки зрения афроамериканцев, как европейский антисемитизм интерпретируется с еврейской точки зрения.

В романе «Свет в августе», например, одном из его наиболее оскорбительных расистских вещей, Фолкнер рассказывает историю человека, который кажется белым, но на самом деле является частично афроамериканцем. Это пятно в его «крови» гарантирует, что его оценка попадает на отрицательную сторону дихотомий, таких как ум/тело, универсальный/частный, светлый/темный и цивилизованный/дикий, которые Фолкнер использует для организации своей расовой вселенной. Джо убивает белую женщину, с которой у него был роман. Она является

представительницей северных реформаторов, которые стремились «реконструировать» Юг и положить конец расизму и «добродетельным» народным нравам Юга. Тот, кто представляет плод этого северного реформистского труда – свободный черный, который ведет себя высокомерно по отношению к белым – убивает свою спасительницу. В системе аргументов романа Фолкнера это пример соответствующего урока тем, кто будет пытаться вмешиваться в «естественный», как он утверждает, ход вещей. Эти «народные нравы» должны пройти свой собственный путь к искуплению.

Фолкнер вскользь характеризует черных как дурачков, похожих на детей. Их роль в романе – либо быть поводом для юмора, либо быть представителями бессмысленной, жестокой порочности. Белые, с другой стороны этнических исследований, относятся к царству универсальных, вневременных истин и событий, таких как белая кавалерийская атака Юга, которую Гейл Хайтауэр провозглашает в качестве символа трагической чести южан. Символ представляет собой правильную неинституциональную духовность и идеал сдержанности, направленный против естественных, особенно сексуальных, страстей. Джо, с другой стороны, потворствует этим своим страстям, предаваясь им со стареющей, крупной белой женщиной, чьи физические характеристики как бы размещают ее ниже более духовных персонажей. Белые люди переживают жизнь как трагедию, как нечто сущее, которое нельзя изменить, а чернокожие являются частью трагического наследия белых и должны просто все терпеть.

Это чувство неизменности такого порядка человеческой жизни помогает Фолкнеру фальсифицировать историю с позиции расистских аргументов. Он пишет:

Во-первых, чернокожие жаловались на потерю своих белых хозяев в Гражданской войне и чернокожие неохотно покидали плантации, когда им давали шанс сделать это.

Во-вторых, белые южные сообщества были миролюбивыми и ненасильственными; они творили правосудие в случаях межрасового насилия очень постепенно и разумно. Однако реальная история, лежащая в основе романа Фолкнера, более исторически точна – толпа линчевала черного человека, который убил белую женщину. На юге за годы, предшествовавшие публикации этого романа в 1932 году, целых 100 чернокожих казнили каждый год путем линчевания.

В романе Фолкнер изображает белое южное сообщество, которое определяет, каким образом справедливость должна торжествовать. Северное федеральное правительство не должно вмешиваться в дела Юга, иначе оно будет уничтожено – таков метафорический смысл его сюжета. Эта дихотомия – плохое северное правительство / хорошие южные нравы – будет и впредь защищать южан, утверждать их права, сопротивляться попыткам федерального правительства положить конец южному расизму вплоть до конца двадцатого века. Таким образом, роман становится не столько хорошим примером универсальных идей, сколько образцом довольно специфической, южной консервативной расистской культуры. Фолкнеру удастся изобразить афроамериканцев как идиотов, нуждающихся в белом патернализме, или как порочных жертв своих диких страстей, которые неспособны к моральной сдержанности. Единственное, что универсально в романе – это банальность расовых предрассудков и трусливое положение, которое Фолкнер принимает в отношении насильственной культуры расизма, которая должна была бы, напротив, вызвать мужественную оппозицию со стороны белых писателей.

Благодушное принятие сугубо литературного значения творчества Фолкнера, вероятно, объясняет тот факт, что его все еще преподают как пример «великой литературы», а не как пример расистской культуры. Одним из важных последствий возникновения этнических исследований является то, что они выносят на литературное дискутирование вещи, которые не являются «литературными», в том смысле, что они не являются художественно совершенными или не выражают заведомо универсальную идею. Этнические исследования вынуждают учитывать в литературоведении специфику истории и сложную социальную динамику отдельных мест и времени описания, локусов реальной жизни людей. Литературное исследование неизбежно склоняется, в результате, к изучению культуры. И когда это случается, кого-то вроде Фолкнера становится труднее оправдать. Он может быть хорошим примером такого литературного стиля, который продуцирует этническая группа с доступом к образовательным услугам, в результате занимающая более высокую экономическую позицию, которая и стала обязательным

признаком «литературного» величия. Но если на какое-то время отбросить этот литературный флер и принять во внимание реальный исторический контекст этой литературной ситуации, то поменяется и отношение к Фолкнеру. В 1930-х годах у белых писателей Юга было мало чернокожих конкурентов из-за самой расистской культуры, которую Фолкнер так хорошо описывает и одобряет. В своей картине мира чернокожие, по мысли Фолкнера, не способны достичь таких культурных высот, которых он сам достигает. Но это происходит именно потому, что культура, которую он поддерживает, требует подобной высокой степени подчинения афроамериканцев и обеспечивает подобное насильственное уменьшение роли чернокожих в искусстве.

Картины реальности в искусстве имеют свойства экстраполировать реальность, которую они изображают, в бытие. Настаивая на том, что чернокожие по своей природе хуже белых, так как в его романе говорится о разуме/теле, духе/материи, трагической серьезности/комической безответственности и т. д., и все эти антитезы представляют сравнение белых и черных, Фолкнер обеспечил возможность того, чтобы его культура продолжала принуждать к исключению афроамериканцев из системы образования, которое позволило бы им противостоять картине реальности белых.

По мнению Фолкнера, отрицательные качества черных являются «трагически» необратимыми из-за их «крови» и, доведя эту аргументацию до литературного совершенства, Фолкнер действительно способствовал тому, чтобы афроамериканцев на Юге лишили доступа к образованию. Однако примечательно то, что именно его родной штат Миссисипи впоследствии в 1960-х годах стал центром движения афроамериканцев за получение доступа к высшему образованию на равных с белыми. Поскольку Фолкнер считал, что смешение белых с черными было сродни спариванию собак с кошками, можно только представить себе, как бы он отреагировал на эти прогрессивные преобразования.

В качестве примера этнических исследований литературы можно рассмотреть также роман Тони Моррисон «Самые голубые глаза». Роман начинается с символического изображения расовых различий. Различия невелики, они выражаются в наличии хлеба с маслом и марке автомобиля, но этого достаточно, чтобы спровоцировать сильные эмоции, вызванные классовыми различиями на расовой почве. С одной стороны расовой оппозиции – высокомерие и самодовольство, а с другой – негодование и гнев. Как это часто бывает в многорасовых обществах, классовая ситуация также формируется в соответствии с расовыми различиями. Среди персонажей романа Розмарин белый, а Клаудия и Фрида – черные. В романе изображено, как формируется самооценка в ситуациях, которые могут лишить человека чувства собственного достоинства по причинам, которые находятся вне его контроля. Никто не контролирует экономическую ситуацию, в которой он рождается. Но люди, оказывается, в ситуации унижения нередко развивают завышенную самооценку, чтобы компенсировать рождение в подчиненной ситуации и бедности.

Роман Тони Моррисон «Самые голубые глаза» поднимает очень много социальных проблем. Каковы признаки бедности? Какое влияние оказывает нищета на семейные отношения, и особенно на отношения между родителями и детьми? Клаудия явно вырастает в очень плохом окружении, и это формирует ее характер. Как характеризуется мать Клаудии? Какое влияние оказывает ее поведение на эмоции ее дочери? На ее чувство собственного достоинства?

У Клаудии, по крайней мере, есть дом. А как угроза бездомности влияет на устремления людей? Как они формируют свою идентичность, не имея семьи и дома?

Другой объект, создающий идентичность, – это белая кукла, игрушка Клаудии. Она вызывает отвращение со стороны ее старших родственников – афроамериканцев. Почему они пытаются игнорировать тот факт, что кукла белая? Все эти вопросы и поднимаются в романе.

Бедность унижительна. Мы ощущаем это по чувству стыда Клаудии. В романе афроамериканской писательницы затрагивается и роль культуры в преодолении бедности. Это, в частности, блюзовые песни, которые функционируют в черной культуре.

Читатель задается вопросом, почему Моррисон решила использовать образ уродства как метафору унижительного состояния в жизни? Как это чувство личного уродства влияет на жизнь персонажей?

Расовая нищета часто порождает насилие, домашнее насилие и насилие в браке. Примером тому может служить и роман Моррисон «Влюбленная». Моррисон завершает первую часть этой книги, сосредотачиваясь на описании черных проституток. Надо изучать их психологию, чтобы понять, как люди, которые чувствуют себя униженными из-за принадлежности к расе или классу, свыкаются с их трагической ситуацией и пытаются ее компенсировать.

Еще множество вопросов возникает при чтении романов Тони Моррисон. Как бедность порождает психопатологию, например? В замечательном отрывке из романа Моррисон говорит о Холли, что она «свободен. Опасно свободен». Что она имеет в виду? Концовка ее произведений, как правило, остается открытой, как и сама ситуация с расовыми различиями.

Вопросы для закрепления темы:

1. Раскройте основные концепции этнических исследований в области литературоведения.
2. Как примеры приводит Майкл Райан, чтобы проиллюстрировать теорию расового неравенства?

Литература:

1. Гачев Г. Национальные образы мира: курс лекций. – М., 1998.
2. Гачев Г. Ментальности народов мира. М., 2003.
3. Халикова М. В. Этнокультурные антропонимические образы в семантическом пространстве: дис. кандидата филологических наук: 10.02.04. Тамбов, 2013. – 162 с.
4. Букалов А. В. Типы национальных ментальностей и их модели // Букалов А. В. Соционика: теория интертипных человеческих отношений. Киев, 1989.
5. Гуленко В. В. Типы культур. М., 1989.
6. Грицак Ю. П. Характеры народов мира: попытка определения национальных психотипов. – Харьков, 2000.
7. Шогенова М. Ч. Этнокультурный образ языковой личности в эндоэтнонимах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8. Ч. 3. С. 211-214.